Меркурьев Владимир

KPI для Люцифера

Владимир Меркурьев

KPI для Люцифера

«Автор»
2026

Меркурьев В.

KPI для Люцифера / В. Меркурьев — «Автор», 2026

В бюрократическом аду Преисподней лопается терпение: грешники бесконечно заполняют формы, котлы работают неэффективно, а демонам урезают премии из-за невыполнения KPI по искушению. Чтобы оптимизировать процессы, Владыка Тьмы решает провести масштабную реформу и нанимает по контракту... кризис-менеджера из Москвы по имени Геннадий.Геннадий — обычный человек, который перегорел на работе в корпорации, поэтому адские пейзажи и крики грешников его вообще не впечатляют. Для него это просто «токсичный опенспейс».

© Меркурьев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Вторник, который пошёл не по плану 5
Глава 2 Собеседование с Владыкой 10
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Владимир Меркурьев
KPI для Люцифера

Глава 1 Вторник, который пошёл не по плану

Эпиграф: «Уведомляем грешных и безгрешных, что во вторник, в час закрытия последнего дедлайна, в Адской Канцелярии будут проводиться плановые работы по запуску системы „Демон-Софт“. Просим в этот час желаний вслух не загадывать. Администрация ответственности не несёт».

«Адские ведомости», объявление на последней полосе, между рецептом смолы и некрологом

Сказывают, что у всякой беды есть свой смерточас. Это тот миг, когда все сроки сошлись, а силы кончились. Нормальному человеку он выпадает раз в жизни, а кризис-менеджеру ещё и по вторникам.

Геннадий Андреевич сидел в этот вторник на третьем часу стратегического созвона. Совет директоров сорок минут решал, каким кеглем писать слово «Добро пожаловать» на главной странице сайта. Три года Геннадий жил в режиме «вчера». Крови в нём было меньше, чем кофеина, а спал он по три часа под писк уведомлений. Организм давно подал заявление об уходе, но заявление потерялось где-то между отделами.

Он отключил камеру и закрыл глаза.

— Господи, — сказал он тихо, без выражения, как диктуют протокол. — Да лучше бы я в Ад попал, чем ещё раз слушал про эти ваши правки.

Сказано было в пустую комнату, но слово не воробей. Особенно во вторник, в час испытаний.

В тот самый миг в Адской Канцелярии, в подвале, где пахло серой и казённым дерматином, дежурный бес стукнул по клавише. Новая система «Демон-Софт» отчаянно искала в мире смертных всё, что можно принять за согласие. Она услышала «лучше бы в Ад» и «правки»,

сопоставила, прикинула и выдала решение. Никто потом так и не понял, кто нажал «утвердить».

Геннадий моргнул.

Экрана не стало. Вместо него поднялись ворота из чёрного сланца высотой с хороший небоскрёб, а над ними горела неоновая вывеска, у которой перегорела одна буква: «Добро пожаловать. Вход строго по пропускам».

Он не умер. Он даже не понял, что произошёл переезд. Просто у него был стул, а стал асфальт, хотя теперь это был не асфальт, а что-то тёплое и слегка шевелящееся.

Геннадий встал, отряхнул брюки и привычно проверил карманы: телефон, ключи, блокнот. Потом нащупал на дне рюкзака пластиковый бейдж с прошлой работы, где красным по белому значилось «Внешний аудит». Он носил его на проверки, чтобы люди в коридорах расступались. Привычка, как почесаться. Рука сама повесила бейдж на шею, и Геннадий этого не заметил.

Он огляделся.

Перед воротами тянулась очередь. Грешники стояли в ней давно, столетиями. Кто-то успел отрастить бороду до колен, кто-то сложил из ожидания целую философскую систему. У ворот сидели черти. Они курили в стороне, а вилы, ржавые и затупленные, стояли в козлах, как лыжи на базе отдыха. Очередь двигалась хаотично, как все очереди в мире, и каждый грешник был уверен, что именно его обходят.

— Так, — сказал Геннадий вслух. Голос его был твёрд, как у человека, которого невозможно удивить. — Где электронная очередь?

К воротам, жуя семечки, подошёл Цербер.

Стоит пояснить, что Цербер был не собакой, а скорее учреждением. Три головы, три мнения, три рта. Они не любили друг друга, но были вынуждены голосовать. Левая голова, злая и худая, служила окном номер один. Средняя, холёная, сидела в окне номер два. Правая, толстая и сонная, числилась в окне номер три, которое по традиции закрывалось на обед в девять утра.

— Рррр, — сказала левая голова.

— Работает только первое окно, — перевела средняя.

— Зззз, — добавила правая, засыпая.

— Почему работает одно окно? — переспросил Геннадий, не повышая голоса. — Где руководство? Ведите меня к вашему генеральному.

Это была самая страшная фраза, какую Цербер слышал за последнюю тысячу лет. Три головы переглянулись и проголосовали. Решение прошло единогласно, чего не случалось со времён основания: «Отвести».

Так Геннадий и попал в Ад: не по грехам, а по ошибке распределения.

Вёл его дежурный черт по имени Ваал, маленький, нервный и очень расторопный. Он держал в лапах планшет, на котором мигала табличка «Новоприбывший. Статус: неясен». Это мучило Ваала сильнее самых страшных пыток, потому что в Аду неясных статусов не бывало. Были грешники, были черти, а неясность могла означать только одно: начальство.

— Позвольте провести вас, ваше… э-э… — Ваал скользнул взглядом по бейджу, — ваше внешнее аудирование. Только осторожнее, тут котлы. То есть уже не котлы, но ещё и не то, что вы подумали.

По дороге Геннадий видел всё, что видит человек, пришедший на объект впервые. Он не пугался, а оценивал. Лава текла открытыми руслами, и тепла терялось столько, что хватило бы на две Сибири. Черти на рабочих местах работали в той трудовой манере, которую в мире живых называют «имитацией бурной деятельности». Один ударял вилами в пустой чан, другой записывал это в тетрадь, а третий читал записи и сверял с отчётом. Отчёт был, конечно, ложным.

— Бесовская десятина? — спросил Геннадий, листая кем-то брошенную ведомость.

— Раз в год, — осторожно сказал Ваал. — Когда помилуют.

— Понятно. Мотивации нет, контроля нет, учёта нет. Типичное предприятие бумажного чистилища.

Ваал не понял слов, но понял тон, и от этого стало ещё страшнее.

Он свернул в боковой коридор, сказав: «Тут короче, но через Зал приёма». Мало кто знал, что в Зале приёма каждого новоприбывшего мужского пола по давнему уставу встречает сотрудница Отдела первичного соблазна. Устав был написан в эпоху, когда это работало.

Зал приёма тонул в пурпурном тумане. В воздухе плавали огоньки, как в дорогом клубе, и пахло так, будто кто-то пролил духи на горячий камень. В глубине на оттоманке, обтянутой чёрным бархатом, полулежала женщина.

Её звали Аглая, суккуб третьей категории. На ней было что-то блестящее и обтягивающее, изобретённое, судя по всему, без единого шва. Из-за спины вырастали кожистые крылья, и по их краям лениво бегали искры. Глаза были тёмные, влажные, с тем особым выражением, которое профессионально называется «первозданный грех». Она подняла голову, увидела вошедших и улыбнулась так, что у Ваала запотел планшет.

— Новенький, — протянула она. Голос был низкий и тёплый, с лёгкой хрипотцой. — Подойди, смертный. Давно ли ты, бедный, не знал настоящей ласки?

Геннадий подошёл.

Этому были две причины, и он понял обе, только когда оказался вплотную. Первая: он три года не спал. Вторая: он три года ни к кому не прикасался. Между рабочими делами и работой у него не осталось места ни для чего другого. А тут рядом оказалось тепло. Живое, реальное тепло, которое пахло корицей, дымом и чем-то неназванным.

Аглая поднялась. Она двигалась медленно, чтобы жертва успела осознать происходящее. Длинные пальцы коснулись его бейджа, потом воротника, потом пуговицы, которая, кстати, уже держалась на честном слове. Она придвинулась так близко, что он почувствовал дыхание на шее.

— Я исполню любое желание, — шепнула она. — Каждое. Самое тайное, самое тёмное. Только скажи.

Геннадий закрыл глаза. Мысли утекали, как песок. Он подумал: «Я так устал». Ещё он подумал: «Можно ли лечь?» И совсем уж тихо: «Интересно, что она имеет в виду под любым».

Она поцеловала его.

Это был не быстрый и не пустой поцелуй. Он длился, как неспешная служба, и Геннадий ответил ему. Руки сами нашли её талию, а она тихо засмеялась и прижалась крепче. В тумане у него поплыла голова. Где-то далеко пискнул планшет Ваала, но Геннадию было всё равно. Вдруг оказалось, что можно так: просто стоять, дышать и больше ничего не решать.

А потом он открыл глаза. Мимо плеча Аглаи он увидел её хвост.

Хвост у суккубов, как известно, ничего скрыть не умеет. Он вытянулся в сторону соседнего стола, где секретарша зала, мелкая жаба в очках, доедала эклер. Кончик хвоста ходил из стороны в сторону с такой надеждой, с какой собака смотрит на колбасу.

Геннадий отстранился на полшага.

— Простите, — сказал он очень мягко, всё ещё тяжело дыша. — У вас хвост. Хочет эклер.

Аглая замерла. Потом хвост, оказавшись в центре внимания, обиженно скрутился в бублик и спрятался за спину. Она густо покраснела, что для обитательницы Преисподней выглядело как неисправность.

— Это не по протоколу, — выдавила она. — Вы должны были… должны были…

— Знаю. Простите. — Геннадий поправил воротник. Руки у него чуть дрожали, и он это заметил. — Вы очень… убедительны. Не вините себя. Дело не в вас, дело в трёх годах недосыпа.

Она посмотрела на него и вдруг, ни с того ни с сего, села обратно на оттоманку и достала из-за кушетки блокнот и очки.

— Подождите минутку, — сказала она. — Мне надо записать.

— Что именно?

— Показатели. — Она ожесточённо зашуршала страницами. — «Душевный трепет объекта: восемь по ГОСТу, пауза три секунды, ответная реакция присутствует». Так. Но «согласие на последующее» не зафиксировано. Придётся ставить «отказ по независящим от соблазнителя». Это пятнадцать процентов к минусу квартального плана…

Она подняла глаза и вдруг тихо, совсем не профессиональным голосом добавила:

— Вы первый за триста лет, кто остановился, потому что заметил хвост, а не потому что испугался.

Геннадий смотрел на неё, на взъерошенные волосы, на сбившийся блеск и на пальцы, исписанные цифрами. Ему стало нехорошо от чувства, которого он давно не испытывал: ему было жаль. Не её, а их обоих. Двух существ, которые умеют только работать и не умеют просто быть.

— Давайте так, — сказал он. — Если вы поможете мне сегодня найти вашего генерального, я заполню форму, что отказ был по моей вине. Вам засчитают. Мне не жалко.

— Это взятка? — тихо спросила Аглая.

— Это межведомственное согласование.

Она улыбнулась. Улыбка была другая, не рабочая. Тёплая и немного смущённая.

— Вечером я свободна, — сказала она, пряча блокнот. — Если вас, конечно, не съедят до того. Тогда можно… вне протокола.

Что было дальше в тот вечер, «Адские ведомости» умалчивают, ссылаясь на цензуру, отсутствие формы Т-3 и общую неясность статуса. Ваал в своём рапорте написал, что новоприбывший «остался на ночь в Зале приёма для прохождения расширенного собеседования». А те, кто видел, как утром Геннадий впервые за три года вышел оттуда на своих ногах, выспавшийся и слегка растерянный, как человек, которого отпустили на каникулы, уверяли, что собеседование прошло блестяще.

К Люциферу его повели на следующий день, потому что Цербер к тому времени успел проголосовать ещё дважды: за пересмотр маршрута и за право не торопиться.

— Он вам не понравится, — шепнул Ваал у дверей тронного зала. — Он у нас строгий. Но справедливый. Иногда. По праздникам.

— Праздник сегодня?

— Нет.

— Значит, будем решать по существу, — сказал Геннадий и толкнул дверь.

За дверью начиналась уже другая история, но прежде чем она началась, надо сказать о главном.

Вывод. Человек в минуту отчаяния способен на два великих деяния: сказать вслух то, чего нельзя говорить, и поцеловать того, кого не следует. Первое Вселенная принимает как заявку, второе как повод для задержки рейса. И то и другое обходится дороже, чем кажется. Но если вам повезло и вас в итоге приняли, не торопитесь обижаться на сервис. В любой организации, будь она хоть адская, кто-то да смотрит на вас не как на показатель, а как на человека. И пусть этот кто-то только что зафиксировал ваш душевный трепет по ГОСТу.

Крючок. Когда Ваал вернулся в подвальную Канцелярию, чтобы закрыть рапорт, он на всякий случай открыл журнал «Демон-Софт» и ради любопытства просмотрел последнюю запись о переносе души. Всё было в порядке: время, ключевые слова, статус «Утверждено». Но на полях карандашом, едва заметно, кто-то приписал: «Подходит». Почерк был мелкий, аккуратный, чужой. А чернила, как показалось Ваалу, при свете лампы блестели чуть ярче, чем положено старой бумаге.

Он моргнул, чихнул, захлопнул журнал и решил, что ему показалось. В Аду много чего кажется.

Глава 2 Собеседование с Владыкой

Эпиграф: «Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет. Кто придёт с папочкой, тот погибнет от папочки, но дольше и с оформлением». Апокриф, найден на обороте квитанции об уплате за сажу

Тронный зал Цитадели строили в те времена, когда архитекторы ещё не боялись высоты и чужих чувств. Потолок терялся в дыму, колонны были из чёрного базальта с прожилками чьих-то застывших криков, а вместо пола под ногами растрескалась земля, и в трещинах лениво ворочалась магма. От неё шёл жар такой густой, что его можно было резать и подавать к столу.

Геннадий вошёл и первым делом оценил теплопотери. Профессия.

На троне из почерневших костей восседал Люцифер Владимирович. Он был величествен, как непогода, и, как непогода же, слегка небрежен в мелочах: итальянский костюм цвета грозы, безупречный по крою, был обожжён на обоих рукавах. Ни один из тысячи придворных портных не решился бы сказать Владыке, что рукава пора сдать в химчистку. Один, говорят, сказал. Теперь он шьёт мантии в Седьмом круге и жалоб не подаёт.

Но не рукава бросились Геннадию в глаза.

Рядом с троном стоял длинный стол, накрытый для «малого завтрака Владыки». Вилки, ножи, ложки и кубки были выложены с такой геометрической точностью, что глаз сам искал, к чему придраться, и не находил. Люцифер, не сводя взгляда с гостя, левой рукой поправил нож. Сдвинул на миллиметр. Прищурился. Сдвинул обратно.

Рядом на ковре лежала линейка. Золотая, с делениями в вершках.

— Ты опоздал, смертный, — сказал Люцифер. Голос у него был медленный, ровный, и от этой ровности по спине ползли мурашки. — Опоздание на аудиенцию к Владыке Тьмы карается…

— На сутки, — сказал Геннадий. — Я знаю. Ваш дежурный сообщил. Прошу прощения, был занят на расширенном собеседовании.

Из-за колонны донёсся сдавленный звук. Это Ваал изучал потолок.

Люцифер выдержал паузу. Потом сказал:

— Продолжай.

Тут надо сказать о том, чего в зале не заметил никто, кроме Геннадия. Профессиональный навык кризис-менеджера состоит не в умении говорить, а в умении молчать и смотреть. Пока Люцифер говорил, Геннадий смотрел на его трон. Трон был собран из больших почерневших костей, и в щели между двумя из них, там, где сиденье переходило в подлокотник, застряла нитка.

Розовая. Шерстяная. Тонкая, как надежда на повышение.

Геннадий отметил про себя: «Не моё дело». Он умел отличать информацию, которая нужна, от информации, которая когда-нибудь пригодится. Эта относилась ко второй категории. Он поднял глаза и больше на нитку не смотрел.

Это был первый акт его дипломатии в Аду. Возможно, самый важный.

— Итак, — начал Люцифер, и пламя вокруг трона взметнулось выше, подчёркивая значительность момента. — Ты пришёл в обитель вечного огня. Тысячу лет я наблюдал за вашим родом. Я видел войны, чуму и изобретение безалкогольного пива. Но мои советники утверждают, что твоя магия, называемая «эффективным менеджментом», способна заставить грешников страдать ещё сильнее. Докажи это, или твоя душа станет топливом для этого зала!

Он взмахнул рукой. С потолка сорвался поток жидкого огня и ударил в пол в паре метров от Геннадия. Брызги прошипели по базальту. Из-за колонны Ваал тоненько пискнул.

Геннадий открыл ноутбук.

— Люцифер Владимирович, — произнёс он ровно, глядя в экран, — давайте снизим градус пафоса. У меня тайминг.

В зале стало очень тихо. Сказитель обязан честно признать: так с Владыкой не разговаривали со дня Падения.

— Во-первых, по поводу «топлива». У вас тут нарушение техники безопасности и колоссальные теплопотери. Магма открытая, вытяжек нет. Вы отапливаете пустоту за счёт бюджета Преисподней.

— Это ужас! — возмутился Люцифер. — Это страх, сковывающий сердца!

— Это кассовый разрыв, — сказал Геннадий и щёлкнул мышкой. — Во-вторых. Я посмотрел отчёты по искушению за прошлый квартал. Графики лежат. Демоны на местах заняты кустарным производством: вилы, костры, котлы. Это тринадцатый век. Сейчас никто не боится физической боли. Смертные в Москве платят за то, чтобы их били плетьми в спасалонах. Вы работаете в убыток.

Сказал и замолчал. Он не добавил «шутки ради» и не улыбнулся. Это, как позже понял Люцифер, и было самым страшным: Геннадий не острил. Он зачитывал диагноз.

Из тени справа от трона выступила фигура, которую Геннадий до сих пор не замечал, а зря.

Высокий, худощавый, в белом сюртуке, сидевшем на нём так, словно портной шил по чертежам самого совершенства. Под сюртуком чёрная рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу. Лицо слишком симметричное, взгляд светлый, холодный, металлический. В руках планшет. Он не торопился: сначала что-то посмотрел на экране, коротко коснувшись его пальцем.

— Астарот, — представил Люцифер, не глядя. — Мой советник по… всему.

— Директор по маркетингу и связям с общественностью, — мягко поправил Астарот и поклонился ровно настолько, насколько требовала вежливость. — Позволите, Ваше Адское Величество? У меня есть три варианта в отношении нашего гостя. Первый плохой. Второй катастрофический. Третий принесёт нам прибыль, но уничтожит половину Седьмого круга.

— И какой рекомендуешь? — спросил Люцифер.

— Третий. У него самые предсказуемые последствия.

Он улыбнулся, глядя не на Люцифера, а на Геннадия. Это была улыбка человека, который заранее знает результат любого разговора и пока не решил, говорить ли о нём вслух.

— Любопытно, — заметил Геннадий. — А какой из вариантов подразумевает, что вы мне сначала зададите вопрос?

Астарот на секунду замер. Только на секунду. Потом улыбка дрогнула в другую сторону, чуть шире, чем нужно.

— Четвёртый, — сказал он. — Но он у меня только что появился.

Люцифер наклонился вперёд, сузив горящие глаза.

— Что же ты предлагаешь, червь?

Геннадий развернул ноутбук экраном к трону.

— Полную цифровую трансформацию. Квартальные KPI. Вот архитектура проекта.

На экране красовалась схема. Нарисована она была так, как рисуют люди, три года пережидавшие чужие презентации и точно знающие, что действует на человека сильнее всего. Стрелки, кружочки, пунктирные линии, разноцветные блоки. В блоках слова: «синергия», «апсейл», «комплаенс», «воронка», «точка роста». Один блок назывался просто «Проактивность», и от него шла стрелка в никуда.

— Котлы убираем, — продолжил Геннадий. — Вместо них создаём Департамент вечного ожидания. Грешники сидят в очереди к терапевту. Талончик выдаёт терминал, который зависает каждые три минуты. Когда очередь подходит, оказывается, что им нужно в другое крыло, а оно на обеде.

Он замолчал. Люцифер смотрел в экран.

На лице Владыки Тьмы, надо сказать, происходили чудеса. Брови поползли вверх, потом сошлись, потом снова поползли. Огненные глаза потускнели и расширились. Он смотрел на схему так, как мальчик впервые в жизни смотрит на кладбище.

— Это… — прошептал Люцифер, и зал, вторя ему, придержал дыхание. — Это гениально. Даже я не додумался бы до такой жестокости.

— Я знаю, — просто сказал Геннадий.

— Но как заставить моих демонов?.. Они привыкли пытать, а не сидеть за компьютерами.

— Внедряем Scrum. Ежедневные созвоны в восемь тридцать. Опоздание на минуту лишает квартальной премии, выдаваемой душами. Кто не согласен, идёт на разговор в HR. Кстати, Абаддона я уже перепрофилировал под HR-директора. Он сейчас плачет у себя в кабинете, потому что переписывает должностные инструкции для чертей-кочегаров.

— Ты уже и Абаддона?.. — Люцифер приподнялся.

— Сегодня утром. Пока вы изволили почивать.

Это была ложь. Ну, наполовину. Абаддона Геннадий и вправду встретил в коридоре, и тот и вправду плакал, но лишь оттого, что у него упал на пол пузырёк с кровью для мартини. Просто Геннадий, как опытный менеджер, никогда не упускал случая назвать совпадение достижением.

Но вот что случилось дальше. Люцифер замолчал.

Он встал с трона медленно, как встают люди, которым предстоит принять важное решение. Спустился на три ступени. Подошёл ближе, чем подходят к просителям. Остановился в двух шагах и посмотрел Геннадию на грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.